

Виталий Тихонов

Катастрофы в СССР – взгляд из-за рубежа*

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Catastrophes in the USSR – viewpoint from abroad

DOI: 10.31857/S2949124X2304020X, EDN: HRJJZF

В серии «Современная западная русистика» издательства «Academic Studies Press» увидел свет перевод монографии профессора истории университета Лойола Мэримаунт (Калифорния) Н. Рааба. Оригинальная версия вышла в 2017 г. под названием «All shook up. The shifting Soviet response to catastrophes, 1917–1991»

(«И всё содрогнулось. Изменяющаяся советская реакция на катастрофы, 1917–1991 гг.»). Название отражало основную концептуальную идею книги. В русском издании эта смысловая нагрузка потерялась.

Широкий хронологический охват не позволил бы автору представить полную картину истории чрезвычай-

* Рааб Н. И всё содрогнулось: стихийные бедствия и катастрофы в Советском Союзе. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2021. 384 с.

ных происшествий на территории СССР. Но он и не ставил перед собой такую задачу, вместо этого попытавшись рассмотреть катастрофы как социальную проблему, индикатор состояния общества, столкнувшегося с ними. В качестве опорных точек им выбраны землетрясения в Крыму (1927), Ашхабаде (1948), Ташкенте (1966) и Спитаке (1988), а также авария на Чернобыльской АЭС (1986). Дополняет книгу интерлюдия «Изображение советских катастроф в 1945–1985 годах».

Стремясь уйти от «каталожно-регистрационного подхода», автор постарался серьёзно отнестись к методологии. В первую очередь он обратил внимание на терминологические нюансы. В советском лексиконе различались стихийные бедствия, аварии и катастрофы. Эта классификация определяла и реакцию власти. Например, авария требовала найти конкретного виновного и часто позволяла этим и ограничиться, поскольку виноватым можно было объявить отдельного человека или небольшой коллектив, а не несовершенство техники или организационной системы. Стихийное бедствие, формально не зависевшее от людей, наоборот, становилось поводом для демонстрации возможностей власти. Понятие «катастрофа», по мнению Рааба, до перестройки не использовалось.

Автор «переворачивает» гипотезу П.А. Сорокина о том, что катастрофы провоцируют «тоталитарное поведение» власти, стремясь показать ограниченность тоталитарного подхода к советской истории. По его мнению, именно «катастрофы оборачивались наименее авторитарными моментами советской истории, позволяющими увидеть несобранность авторитарного государства» (с. 29). Он обращает внимание на феномен добровольной помощи пострадавшим, который не

вписывается в модель полностью подконтрольного социума. Кроме того, отмечается, что действия советского руководства имели немало общего с реакцией на аналогичные проблемы либеральных режимов. Иными словами, Рааб избрал проторенную дорогу «нормализации» советского общества.

Однако «перевернуть» можно и ряд его выводов. Возможно, признаки «тоталитарности» нужно искать не в действиях, которые действительно обусловлены скорее общими чертами современных государств, а в их интенсивности, специфике реализации, мобилизационных возможностях, присущих идеократическому режиму и подконтрольной ему плановой экономике, в закрытости информации или её односторонней подаче (всегда в пользу власти), и т.д.

Перспективным представляется наблюдение, что любая катастрофа — «место для импровизации». Экстремальное событие давало достаточно широкие возможности для самоорганизации, проявления инициативы, поиска нестандартных решений, в общем — выхода за пределы системы. И здесь интересно, что почти все рассмотренные события — стихийные бедствия, которые редко бросают тень на политический режим, поскольку он за них не в ответе, и которые могут использоваться для демонстрации его достижений и сильных сторон. Осознанно или нет, Рааб выбрал очень «удобные» примеры для критики тезиса о том, что советская власть скрывала информацию о катастрофах и применяла сугубо принудительные методы для мобилизации ресурсов, в том числе человеческих. Однако, например, аварию на комбинате «Маяк» (1957) строго засекретили, и таких примеров множество. Даже катастрофу в Чернобыле пришлось предать огласке скорее вынужденно, в условиях начавшейся политики гласности.

Свежо выглядит помещение истории катастроф в контекст национальных отношений. Рааб описывает, как власть стремилась использовать борьбу с последствиями катастроф для пропаганды «дружбы народов». Особенно ярко это проявилось после ташкентского землетрясения. Строительные бригады, приехавшие для восстановления города из разных республик Советского Союза, должны были ярко продемонстрировать интернационализм граждан страны. Однако реальность оказалась несколько сложнее, и автор сам приводит немало примеров, когда приезжие строители работали без особого энтузиазма. Более того, «все республики отстаивали собственные интересы, по возможности стараясь уменьшить своё участие» (с. 159). Сказались и негативные этнические стереотипы. В ташкентской эпопее Рааб обнаруживает даже элементы колониальной картины мира, в рамках которой русские выступали в роли «старшего брата», приходящего на помощь пострадавшим.

Весьма интересна «архитектурная вставка»: рассказ о том, как город, до этого состоявший из множества старых кварталов и во многом сохранявший древний облик, восстанавливался уже в духе последних веяний в архитектуре, став одним из центров советских градостроительных новаций (чутко реагиовавших на импульсы с Запада). Столицу Узбекской ССР стремились превратить в символ того, как советская власть быстро и эффективно справляется с катастрофами, а также — в «витрину» Средней Азии. Отчасти Рааб связывает эти усилия с международным значением города, в котором буквально накануне прошли важные международные переговоры между Индией и Пакистаном. Однако удивительно, что он «забыл» о предстоящем осенью 50-летию Октябрьской революции. Восстановле-

ние города должно было стать демонстрацией возможностей строя и даже проявлением характерной для него юбилеемании, когда значимые объекты сдавались к знаковым датам.

Анализируя эволюцию реакции системы на катастрофы, Рааб утверждает, что она прошла путь от малопродуманных и плохо организованных действий (Крымское землетрясение), через слабую вовлечённость и даже осведомлённость граждан страны (катастрофа в Ашхабаде) до грандиозной общесоюзной кампании (восстановление Ташкента). В принципе, последнюю можно рассматривать как удачный пример реакции системы на катаклизм и расценивать как пропагандистский успех. Сформировался и алгоритм реагирования на бедствия. Помимо собственно поддержания порядка задействовался механизм «братской помощи»: отправка детей из пострадавших районов в летние лагеря других республик и общесоюзных здравниц, участие интернациональных бригад в восстановительных работах и т.д.

Всё поменялось с началом перестройки. Две грандиозные катастрофы — Чернобыльская и Спитакская — показали, что, казалось бы, отработанные механизмы дают сбой. С аварией на ЧАЭС удалось справиться, однако она отразила или даже подтолкнула несколько важных изменений. Во-первых, появление в результате политики гласности общественного мнения привело к тому, что «чернобыльская тема» приобрела политическое звучание и сыграла на дискредитацию власти, а также стимулировала общественную активность. Рааб описывает, как протесты против строительства Крымской АЭС привели к закрытию этого проекта. Во-вторых, всё реже оправдывал себя расчёт на «дружбу народов». Жители Украинской ССР выражали недоволь-

ство тем, что денежные выплаты пострадавшим оказались выше в Белорусской ССР. К слову, жители РСФСР вообще почти не получили компенсаций. По-прежнему действовал лишь механизм добровольческой помощи, пусть и «подогреваемый» высокими окладами ликвидаторов аварии.

Землетрясение в Армении продемонстрировало углубление проблем. Союзный центр, всё больше терявший рычаги влияния на республики, реагировал не очень эффективно, что подорвало и без того шаткий авторитет советской власти. К тому же катастрофа пришлось на период обострения армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха, и в этой ситуации «дружба народов» превратилась лишь в набор лозунгов. Яркой новой чертой, по сравнению с предыдущими катастрофами, стала серьёзная международная помощь, отразившая геополитические реалии: большую открытость СССР миру и большую зависимость от его ресурсов.

Подводя итог наблюдениям, Рааб пишет: «Наиболее эффективное централизованное реагирование организовал Брежнев, тогда как две чрезвычайно разрушительные катастрофы страна пережила под малоэффективным руководством Горбачёва. Но наименее централизованная реакция была в двадцатые годы, период НЭПа, и в сороковые — сталинскую эпоху» (с. 336). Представляется, что автор, проводя такие сравнения, слабо учёл возможности власти в разные периоды истории. Очевидно, что в первые десятилетия она располагала меньшим объёмом ресурсов, чем в пору своего расцвета (1960-е гг.). В свою очередь в 1980-х гг. экономический кризис прямо отразился на возможностях руководства страны. В этой связи возникает проблема не только эволюции ценностных установок и организационных механизмов государства,

но и оценки его сил и средств в то или иное время.

Вызывает интерес обзор того, как те или иные катастрофы отражались в советской массовой культуре. Рааб анализирует документальное и художественное кино. В первом случае он отмечает, что на Ашхабадском и Ташкентском землетрясениях отрабатывались каноны документалистики катастроф. Запрещалось демонстрировать погибших, обязательно показывался энтузиазм ликвидаторов, проблемы и трагедии уходили на второй план по сравнению с оптимистическими моментами (любовь, радость созидания, «дружба народов» и т.д.). Это касается природных катаклизмов. Техногенные же катастрофы редко становились «героями» документалистов, поскольку могли поставить под сомнение техническую мощь СССР. Перестройка принесла изменения. Съёмки последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Спитаке демонстрировали их трагические последствия и разрушали сложившиеся изобразительные каноны.

Что касается художественных картин на тему катастроф, то они начали появляться в 1970-х гг. (подлинным прорывом стал фильм «Экипаж», вышедший на экраны в 1980 г.). По мнению автора, они выполняли ту же функцию, что и их голливудские аналоги: «Экранные бедствия позволяли отвлечься от реальных советских проблем» (с. 197).

Наблюдения Рааба над историей катастроф в СССР не ограничиваются вышеуказанными. Значительное внимание он уделит информационному режиму, сопровождавшему события. Относительная открытость в освещении природных катастроф сопутствовала стремлению всё представить в выгодном свете (в чём советская власть впрочем мало отличалась от властей других стран). Не очень

отчётливо, но всё же отмечена характерная для советского общества дихотомия «город–деревня», при которой «городские» катастрофы привлекали большее внимание, чем аналогичные (и часто не менее разрушительные) в сельской местности. Также пунктиром проходит проблема формирования режима памяти о катастрофах, ограничивающаяся общими рассуждениями о (не очень эффективном) стремлении власти контролировать таковую.

Подводя итоги, отмечу главную проблему книги – выбор однотипных событий. Это сильно ограничивает понимание феномена катастроф в советском обществе. Представляется, что более продуктивно было бы «поиграть» с уровнями («большая» и «малая» катастрофа), проанализировать катастрофы с разными причинами, больше внимания уделить техногенным авариям (в том числе и военным), информация о которых оказывалась закрытой для общества,

проблеме цензуры и т.д. Тем не менее стоит подчеркнуть: книга Н. Рааба – фактически первая в концептуальном осмыслении феномена советских катастроф. Многие её недостатки являются следствием именно новизны научной проблемы. В целом же появление такого исследования можно лишь приветствовать.

В то же время отмечу, что в последние десятилетия интерес к данной проблематике растёт, список литературы об отдельных событиях (как природных, так и техногенных), об отраслевой аварийности, хроник и документальных изданий уже достаточно велик, появляются и проекты в сети Интернет, ставящие своей целью каталогизацию имеющихся сведений и выявление новых (прежде всего следует отметить Телеграм-канал «Катастрофы Страны Советов»: https://t.me/ussr_catastrophes). Представляется, что тематика катастроф и катаклизмов имеет большие исследовательские перспективы.